

**НОВОЕ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ:
«ЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ» А.А. ЗИНОВЬЕВА**

В статье анализируются основные положения социально-философской концепции А.А. Зиновьева. Сжато характеризуется своеобразный понятийный аппарат, используемый данным автором («человекник», средства его социальной организации, или его социальные измерения, факторы, а также микро-, макро- и суперуровни «человекника», «экзистенциальный эгоизм», «западнизм», сверхобщество и др.). Показан недогматический характер «логической социологии» А.А. Зиновьева. Обосновывается вывод о том, что его социально-философская концепция имеет весьма значительный образовательный потенциал, вытекающий из перспективности развиваемых в ней научных идей и яркости.

Ключевые слова: социальная философия, человекник, экзистенциальный эгоизм, западнизм, сверхобщество.

Социально-гуманитарное образование современного специалиста, в том числе военного, призвано соединять твердость конструктивных убеждений с широтой кругозора, позволяющего находить решение новых задач, отвечать на вызовы времени. Сложность современной общественной жизни отражается в многообразии признанных в их значимости философских учений. Никакой единой и общеобязательной философской теории не существует и, видимо, не может существовать, ибо каждое конкретное философское учение ограничено принятыми его создателем исходными положениями и основным замыслом, которые выражают не только его личностные особенности, но и отличительные черты социально-культурной ситуации, исторической эпохи.

Заслуживает уважения и благодарности тот автор, который умеет в своей концепции соединить глубину и основательность отстаиваемых идей с демократичностью стиля их литературного оформления, облегчающей читателям их понимание. Это очень важное достоинство присуще работам А.А. Зиновьева. Сам он считал себя специалистом прежде всего в области логики, а затем также и в области социологии, свои разработки которой он, как правило, называл логической социологией. Однако всякий, кто знаком с его работами, без труда признает в нем крупного, неординарного современного философа, исследующего весьма важные проблемы общественного развития. Поэтому при отборе материалов для построения философского образования, отвечающего нынешним реалиям жизни и проблемам, возникающим перед нашими современниками, трудам Зиновьева по социальной философии следовало бы уделить особое внимание.

В этих работах настойчиво подчеркивается необходимость разграничивать научное исследование общественных явлений и их субъективную оценку, не смешивать науку и идеологию. Науку отличает прежде всего объективная беспристрастность, «т. е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним» [2, с. 36]. Приходится, однако, признать, что Зиновьеву не всегда удается оставаться беспристрастным и, обсуждая, несомненно, волнующие его вопросы, отстранять эмоционально насыщенные оценочные суждения. Так, связывая коммунизм, каким он реализовался в СССР, с преобладанием отношений коммунальности на всех уровнях общественной жизни, Зиновьев утверждает, что ничем не отграничиваемое действие законов коммунальности ведет к процветанию здесь лицемерия, насилия, коррупции, бесхозяйственности, обезлички, халтуры, хамства, лени, обмана, серости, служебных привилегий, превознесению ничтожеств и подавлению ярких дарований, господству скуки, тоски и застоя [1, с. 65]. Понимая причины обличительного пафоса всех этих характеристик, можно все же усомниться в строгой их беспристрастности.

Вместе с тем, знакомясь с работами Зиновьева, нетрудно заметить, что некоторые его оценки с течением времени претерпели весьма значительные изменения. Перелом наступил с началом перестройки в СССР. До этого он заявлял, что «борьба против коммунистической

тенденции – в интересах всех» [1, с.28]; в последующем он высказывал неподдельную тревогу по поводу того, что западный тип общественного устройства («западнизм») одержал окончательную победу над коммунизмом и лишил последний шансов развиваться и трансформироваться в соответствии со своими внутренними закономерностями. Противопоставляя коммунизм и западнизм, он подчеркивал, что эти понятия нужны именно для правильного понимания феномена коммунизма, толкуемого им не как отдаленная перспектива развития социалистических стран, а как реальный и на деле реализованный тип общественного устройства, наиболее яркий образец которого давал СССР. В обобщающей монографии раннего периода формирования его социально-философской концепции «Коммунизм как реальность», написанной в ФРГ в 1980 г., он рассматривал коммунизм как антипод цивилизации. Позже он пересматривает свою позицию и формулирует вывод о том, что коммунизм и западнизм – это два варианта развития в рамках западной цивилизации [3, с. 324].

В работах Зиновьева излагается концепция, претендующая на преодоление принципиальных недостатков как принятой в СССР и других странах коммунистического типа официальной марксистско-ленинской доктрины, так и многочисленных обществоведческих сочинений западных авторов. Эти труды, по его убеждению, будучи любопытными в деталях, в целом совершенно не годятся «для научного понимания важнейших социальных феноменов современности – реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества» [2, с. 23], который произошел во второй половине XX века и представляет собой сокрушительное поражение коммунизма.

Главное внимание Зиновьева привлекают человеческие объединения, их историческая судьба. Очевидно, такие объединения весьма разнообразны, и размытое обычно понятие общества он «приберегает» для характеристики вполне определенного их типа. Для того, чтобы дать обоснованное определение тех человеческих объединений, которые представлены современными высокоразвитыми странами, задающими основной вектор общественного развития наших дней, он вначале выделяет из множества человеческих объединений те, которые называет *человейниками*. Затем он определяет специфическую сущность таких *человейников*, как *общества*, и далее обсуждает переход от эпохи обществ к эпохе *сверхобществ*, в которой мы теперь живем. *Человейники* более низкого уровня, чем общества, выступают как *предобщества*, а более высокого – как *сверхобщества*.

Различные *человейники* могут иметь более или менее сложное строение. По убеждению Зиновьева, никакого единого универсального фактора, определяющего структурирование, функционирование и эволюцию *человейников*, не существует. Тем самым отбрасываются любые монистические истолкования социальной действительности. *Человейники* рассматриваются как многомерные образования. Они организуются и эволюционируют одновременно в разных направлениях или измерениях. Каждое из их измерений имеет свои закономерности, не сводимые друг к другу; ни одно из них не вырастает из другого. Все эти измерения, вместе с тем, переплетаются, взаимно проникают друг в друга. Только теоретическим путем, посредством абстракции их можно выделить в «чистом» виде и в наиболее характерных проявлениях.

Каковы же эти факторы, измерения или, как их еще называет Зиновьев, средства социальной организации *человейников*? Он полагает их общеизвестными и называет в этой связи власть и управление, деловые «клеточки» и соответствующую им сферу хозяйства, а также сферу религии и идеологии [2, с. 127]. Совместно они обеспечивают единство *человейника* и условия жизнедеятельности всех его членов. Для этого между данными факторами устанавливается взаимная согласованность, достигаемая путем их «притирки», приспособления друг к другу, причем реально здесь случаются противоречия, конфликты, даже вражда. В разных *человейниках* роль указанных факторов может быть неодинаковой. В одних может доминировать власть, в других хозяйственная сфера, в третьих – религиозная сфера.

Зиновьев проводит отчетливое различие между деловым и коммунальным аспектами человеичника. «В первом люди делают все то, что необходимо для их существования, вырабатывают, сохраняют и совершенствуют трудовые навыки и средства труда, создают материальную культуру. Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться» [2, с. 133]. В примитивных человеичниках эти аспекты еще нераздельны; в дальнейшем они обособляются, хотя определенное их единство продолжает сохраняться. Так, отношения начальствования и подчинения имеют одновременно и деловой, и коммунальный, а также и менталитетный аспекты. В человеичниках западного типа деловой аспект доминирует над коммунальным; наоборот, в человеичниках коммунистического типа коммунальный аспект преобладает над деловым. В экономике вообще доминирует деловой аспект, а в государственной жизни – коммунальный. Выделение менталитетного аспекта Зиновьев связывает с другим измерением человеичника. Этот аспект охватывает возникновение и развитие верований и религиозных культов, а затем и философии, науки, искусства. В современных человеичниках данный аспект достигает масштабов двух других основных аспектов.

Деловой аспект не сводится только к добыванию и производству материальных ценностей, а охватывает и создание культурных ценностей, средств развлечения, средств управления людьми и вообще все, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как полезное, удовлетворяющее какие-то жизненные потребности людей. В коммунальном аспекте люди поступают в соответствии с законами *экзистенциального эгоизма*, или рационального расчета, продиктованного соображениями собственной выгоды. Такие поступки Зиновьев находит совершенно естественными. Для их регулирования в человеичнике вырабатываются и закрепляются традицией или какими-то другими путями правила (нормы) поведения, способы принуждения к соблюдению этих правил и наказаний за их нарушение. Законы экзистенциального эгоизма диктуют удовлетворение человеком своих интересов за счет других людей, а также стремление помешать конкуренту добиться успеха; они порождают враждебное отношение к людям с выдающимися способностями, которые создают угрозу «серостям». Но люди в процессе социализации приучаются маскировать свои действительные мотивы. Совместно они вырабатывают средства обуздания буйства коммунальности (религию, мораль, идеологию, право). Тем не менее, если человек хочет достичь успеха, он должен отрешиться от внутренней моральности и развить способности к моральной мимикрии.

Законы рационального расчета, полагает Зиновьев, действуют и в отношении человеичников, ибо эти объединения возглавляются какими-то людьми, которым не чуждо ничто человеческое. Объединения людей выступают как своеобразные коллективные личности. Целые страны ведут себя так же, как и отдельные люди, ставя на службу коллективному эгоизму политику, дипломатию, исследовательские центры и т. д. и прикрывая свои цели и действия лицемерными объяснениями и декларациями.

Одна из ключевых тем социальной философии Зиновьева связана с различием и соотношением *основных уровней человеичника*, который, как утверждается здесь, «возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно на трех уровнях – на микро-, макро- и суперуровне» [2, с. 149].

Объекты первого – это отдельно взятые люди и их объединения в виде различных социальных ячеек, или *клеточек*. В каждой из них, если она насчитывает хотя бы несколько человек, выполняется функция управления через выделение руководителя. Разделение людей на начальников и подчиненных видится Зиновьеву самой глубокой основой неравенства в распределении социальных позиций и жизненных благ. Каждый человеичник имеет клеточную структуру. Клеточки могут быть деловыми, выполнять производственную функцию; они могут выполнять также и другие функции. Положение человека в клеточке, к которой он относится, определяет его положение в человеичнике в целом.

Макроуровень человеконика характеризуется основными сферами, охватывающими весь этот человеконик и состоящими из социальных клеточек, выполняющих соответствующие функции. Основные сферы соотносятся с ключевыми аспектами человеконика (коммунальным, деловым и ментальным) и выступают соответственно как сферы власти и управления, хозяйства, менталитета. Возникают данные сферы в результате разрастания и дифференциации соответствующих аспектов человекоников. В высокоразвитых современных обществах это сферы государственности и права, экономики, идеологии.

Зиновьев полагает, что не все явления, возникающие в процессе эволюции человечества, могут быть ассимилированы обществами или удержаны в их рамках. Отсюда он заключает, что возможен качественно новый, чем общество, более высокий уровень социальной организации, который он называет *сверхобществом* и полагает, что этот уровень уже является реальностью. Сверхобщество видится им как диалектическое отрицание общества. Оно возникает в среде обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта и, вместе с тем, имеет иную социальную организацию, чем общества. Эпохи обществ и сверхобществ как бы накладываются друг на друга. Здесь имеет место не только диалектическое снятие общества, но и отрицание отрицания, предполагающее возврат по ряду признаков к начальной исторической эпохе – предобществу.

Западнизм – это социальный строй стран западного мира. Начало ему положило успешное развитие западноевропейских народов, которые затем распространили свое влияние на другие страны и континенты. Слово «западнизм» введено Зиновьевым потому, что другие, привычные определения – капитализм и демократия – он находит неполными, односторонними и полагает, что они стали в наше время скорее идеологическими выражениями, нежели научными терминами. Демократия не исчерпывает западнистскую государственность, которая включает также административно-бюрократический аппарат, не связанный с действием принципов демократии. Формируется он путем назначений, а не через выборы, и работает он на основе приказов, негласности, беспартийности. Именно эти люди составляют преобладающее большинство кадрового состава западнистской государственности. Вообще предназначение системы выборов видится не в том, чтобы реализовывать идеалы демократии, а в том, чтобы отбирать в органы власти каких-то людей, действия которых будут признаваться легитимными.

Западнистская экономика достигла небывалых высот. Вместе с тем в этой сфере, как отмечает Зиновьев, происходят огромные изменения, которые означают, что чрезмерное развитие экономики породило сверхэкономику как один из элементов сверхобщества. Западное общество практически полностью состоит из собственников того или иного рода; отношения собственности переплелись и невероятно усложнились, равно как и отношения по поводу управления производством. В этих условиях различия между частными и государственными предприятиями во многом утрачивают социальный смысл; а ведь из этих различий обычно исходят, противопоставляя экономику капиталистического и коммунистического общества.

Идеологическая сфера в западных странах, по мнению Зиновьева, является даже более мощной, чем она была в коммунистических. Идеология западнизма складывалась веками, совершенствуя приемы и средства «промывания мозгов» и наполнения их нужным содержанием. В области идеологии западное единство стало складываться даже раньше, чем в экономической и политической сферах. Эта идеология, будучи растворенной во всех формах культуры и поэтому как бы незаметной и ненавязчивой, плюралистична в том смысле, что она состоит из множества учений, идей, направлений мысли, которые нередко противоречат друг другу, особенно если они предназначены для интеллектуальной элиты. Тем не менее, данный плюрализм предполагает внутреннее единство, подобно тому, как, скажем от себя, конкурентная борьба в экономике подчиняется общим «правилам игры» и направляется общей заботой о прибыли.

Многие люди осуждают духовный упадок западного общества, пытаются бороться с ним. Но это не просто упадок, а существование в другом диапазоне норм, отличном от норм

традиционного общества. Этот новый диапазон норм характеризует, по словам Зиновьева, формирующийся своеобразный этап в эволюции западных челоуейников – сверхобщество. Западное общество не является моральным в своей основе, как и любое другое общество. Если мораль препятствует расчетливому прагматизму, она здесь без колебаний отодвигается в сторону. Мораль, правда, сохраняется в мелочах, и притом без риска создать какие-то неудобства и в расчете, что она будет видна со стороны.

Западнистский путь к сверхобществу, как отмечает Зиновьев, противоположен советско-коммунистическому, ибо на Западе сверхобщество вырастает «снизу» и во многом спонтанно. Во всех сферах социальной организации западного общества происходит постепенное перерастание ее рамок; благодаря этому, как пишет Зиновьев, изменяется общая социальная ориентация западного мира. В экономической сфере главную роль начинает играть уже не сам факт обладания собственностью и даже не ее размеры, а положение в необозримо сложной системе собственности, аналогичное положению в системе отношений коммунальности. Важной оказывается в конечном итоге причастность к реальному руководству, как это и характерно для коммунальных отношений. Многочисленные проблемы в экономике вынуждают государство действовать наподобие коммунальной власти, активно вмешиваясь в текущую экономическую жизнь страны, в международные экономические связи. Политическая власть сростается с экономической опять-таки с преобладанием коммунальных аспектов и функций. В целом происходит возрастание роли законов коммунальности.

В средствах массовой информации, в художественной и специальной литературе иногда появляются материалы о существовании в системе власти западных обществ некоего феномена, выходящего за рамки государственности и фактически управляющего ею. По существу речь идет о западнистском сверхгосударстве. Десятилетия борьбы западного мира против коммунистического лагеря потребовали создания структур, координировавших и практически осуществлявших эту борьбу, и привели к их разрастанию и громадному усилению. После разрушения коммунизма данные структуры отнюдь не исчезли и не утратили своего влияния, ибо Запад должен был закрепить свои новые позиции в мире и давать ответы на возникающие новые вызовы. Деятельность, о которой здесь ведет речь Зиновьев, не имеет никакого отношения к демократии и несовместима с подлинной гласностью; не случайно главную роль в ней играют спецслужбы.

Подводя итог своему исследованию, Зиновьев делает вывод о том, что «социальная организация западнистского сверхобщества как целое есть диалектическое отрицание социальной организации западнистского общества. Она удерживает вторую в снятом виде» [2, с. 592]. Вместе с тем она является отрицанием отрицания по отношению к социальной организации предобществ, выступая как бы возвратом к дообщественному уровню, но на более высоком этапе развития. Подразделения и функции социальной организации, которые в предобществе были слабо или вовсе не дифференцированы, а на стадии общества достигли предела дифференциации, здесь вновь переплетаются друг с другом, как бы сливаясь в единое целое. Происходит нечто наподобие возрождения догосударственных, доправовых, доэкономических и т. д. форм жизни. Поэтому многие авторы пишут о конце демократии и «свободного капитализма», моральной деградации и гибели культуры в современном западном мире, об упадке западной цивилизации. На самом деле все эти явления, полагает Зиновьев, свидетельствуют о переходе от эпохи обществ к эпохе сверхобществ.

Ценность концепции Зиновьева не в том, что она абсолютно превосходит все другие теории, относящиеся к социальной действительности, и дает исчерпывающую и неопровержимую истину, не требующую дальнейшего развития. Представляется, что данная концепция являет собой очень интересную форму широкого и принципиально антидогматичного теоретического синтеза, подводящего своеобразный итог разнонаправленных исследований современного общества. Данный синтез объясняет многие важные явления общественной жизни. Так, мы привыкли требовать от идеологии теоретической оформленности, ясной экспликации. Зиновьев же убедительно показывает,

что идеология западнизма только выигрывает в плане практической действенности благодаря отсутствию жесткой кодификации.

Научные обществоведческие труды Зиновьева, при всей их внешней логической строгости, очень близки к его социологическим романам и нуждаются в них как существенном дополнении и иллюстрации. Может быть, это способно привлечь внимание современной читающей молодежи к предложенной им новой форме социальной философии, которая соединяет научные идеи и повседневные наблюдения, последовательные рассуждения и грустную иронию или даже сарказм. В многоголосье социально-философских учений прошлого и наших дней работы Зиновьева, отличающиеся не только теоретической глубиной, но и, так сказать, педагогичностью, призваны занять достойное место.

Правда, как отмечал И.М.Ильинский, «зиновьевская социологическая концепция пока не востребована ни профессионалами-социологами, ни педагогическим сообществом» [4, с.5]. В относящихся к ней высказываниях философов заметно соединение уважительного отношения с элементами удивления. Активное включение социально-философских идей Зиновьева в современный социально-философский дискурс пока не наблюдается. Над освоением их в практике социально-гуманитарного образования тоже предстоит еще немало поработать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
2. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2000. – 638 с.
3. Зиновьев, А.А. Фактор понимания / М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006.–528 с.
4. Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции. М., 15 – 16 мая 2007 г. – М.: Изд – во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – 208 с.

Рецензент: д.пед.н., проф. Плахотнік О.В., професор кафедри педагогіки, Київський національний університет імені Тараса Шевченка